

Адаму Бивору

Содержание

Глава 1. Лихорадка победы	9
Глава 2. Антверпен и германская граница	28
Глава 3. Битва за Ахен	43
Глава 4. Навстречу военной зиме	57
Глава 5. Хюртгенский лес	78
Глава 6. Германия точит когти	108
Глава 7. Провал разведки	132
Глава 8. 16 декабря, суббота	149
Глава 9. 17 декабря, воскресенье	174
Глава 10. 18 декабря, понедельник	201
Глава 11. Скорцени и Гейдте	221
Глава 12. 19 декабря, вторник	231
Глава 13. 20 декабря, среда	256
Глава 14. 21 декабря, четверг	280
Глава 15. 22 декабря, пятница	293
Глава 16. 23 декабря, суббота	308
Глава 17. 24 декабря, воскресенье	328
Глава 18. Рождество	349
Глава 19. 26 декабря, вторник	364
Глава 20. Союзники готовят контрудар	378
Глава 21. Двойной сюрприз	400
Глава 22. Контратака	420
Глава 23. Выступа больше нет	442
Глава 24. Итоги	458

<i>Благодарности</i>	467
<i>Примечания</i>	470
<i>Избранная библиография</i>	509
<i>Приложения</i>	
<i>Ключ к обозначениям на картах</i>	515
<i>Таблица военных званий</i>	516
<i>Расстановка сил</i>	518
<i>Глоссарий</i>	539
<i>Фотоматериалы</i>	542
<i>Список карт</i>	543

Глава 1

Лихорадка победы

Ранним утром 27 августа 1944 года генерал Дуайт Эйзенхауэр, Верховный главнокомандующий союзными силами, выехал из Шартра — взглянуть на только что освобожденный Париж. «Сегодня воскресенье, — сказал он генералу Омару Брэдли, которого взял с собой. — Все проспят до поздна. Обойдемся без лишней суеты» [1]. И все же два генерала, катившие к французской столице, вряд ли могли остаться незамеченными во время своего, как они полагали, «неформального визита» [2]. Оливково-серый «кадиллак» Верховного главнокомандующего сопровождали два броневика, а впереди держался джип с бригадным генералом.

Добравшись до Порт-д'Орлеана, они обнаружили, что там застыл в ожидании, вытянувшись во фронт, еще более многочисленный эскорт из 38-го бронекавалерийского разведэскадрона генерал-майора Джероу. Леонард Джероу, старый друг Эйзенхауэра, еще кипел от возмущения: командир французской 2-й бронетанковой дивизии генерал Филипп Леклерк во время своего продвижения к Парижу не подчинялся его приказам. И не далее как позавчера Джероу, считавший себя военным губернатором французской столицы, запретил и Леклерку, и всей его дивизии участвовать в шествии генерала де Голля от Триумфальной арки до Нотр-Дама. Вместо этого французскому генералу было приказано «продолжать текущую миссию по очищению

Парижа и окрестностей от врага» [3]. Во время освобождения столицы Леклерк игнорировал Джероу, но в то утро он отправил часть своей дивизии к северу от города, против немецких позиций около Сен-Дени.

Улицы Парижа пустовали: при отступлении немцы захватили почти весь оставшийся на ходу транспорт. Даже метро было непредсказуемым из-за слабого электроснабжения; так называемый город света озаряли лишь свечи с черного рынка. Прекрасные здания словно выцвели и состарились, но, к счастью, остались невредимыми. Приказ Гитлера превратить Париж в «грудю развалин» [4] не был выполнен. Радость освобождения переполняла парижан, люди на улицах все еще приветствовали каждый раз, когда видели, американских солдат или машину. Однако до той минуты, когда парижане начнут шептать: *Pire que les boches* [5], оставалось недолго.

Несмотря на намерение Эйзенхауэра посетить Париж «без лишнего шума», визит имел вполне конкретную цель. Они хотели встретиться с генералом де Голлем, лидером временного правительства Франции, которого президент Рузвельт отказался признавать. Эйзенхауэр, прагматик до мозга костей, был готов закрыть глаза на вполне определенные указания президента: войска Соединенных Штатов находятся во Франции не для того, чтобы привести к власти генерала де Голля. Верховному главнокомандующему требовалась стабильность в тылу, а поскольку де Голль был единственным, кто мог ее обеспечить, он был готов его поддержать.

Ни де Голль, ни Эйзенхауэр не хотели, чтобы обретенная свобода обратилась хаосом и вышла из-под контроля, особенно когда вокруг то и дело вспыхивала паника, распространялись самые невероятные слухи, конспирологические теории и рос вал безобразных доносов на предполагаемых коллаборантов. Когда Джером Сэлинджер, штаб-сержант Корпуса контрразведки, вместе с боевым товарищем арестовал подозреваемого в боевых действиях у парижской ра-

туши — Hôtel de Ville, — толпа оттащила пленника и забила до смерти прямо у них на глазах. Это случилось через день после триумфального шествия де Голля от Триумфальной арки до Нотр-Дама, а само шествие окончилось дикими расстрелами в соборе. Инцидент убедил де Голля: он должен разоружить Сопротивление и призвать его участников в регулярную французскую армию. В тот же день в SHAEF — штаб Главного командования союзных экспедиционных сил — ушел запрос на 15 000 комплектов обмундирования. К сожалению, малых размеров не хватало: средний француз был заметно ниже своего американского современника.

Встреча де Голля и двух американских генералов прошла в Военном министерстве на улице Сен-Доминик. Именно там в трагическое лето 1940-го началась недолгая министерская карьера де Голля, туда он и вернулся — подчеркнуть факт преемственности власти. Его формула очищения страны от позора режима Виши была величественно проста: «Республика не прекращалась ни на миг». Де Голль хотел, чтобы Эйзенхауэр оставил дивизию Леклерка в Париже для обеспечения правопорядка, но, поскольку некоторые подразделения уже начали выдвигаться, он предположил, что, возможно, американцы смогут впечатлить французов «демонстрацией силы» [6], чтобы успокоить: немцы не вернуться. Почему бы не провести целую дивизию, а то и две через Париж по пути на фронт? Эйзенхауэр, сочтя слегка забавным, что де Голль должен просить американские войска «упрочить его положение» [7], обернулся к Брэдли и спросил его мнение. Брэдли ответил, что это вполне возможно организовать в ближайшие два дня, и Эйзенхауэр предложил де Голлю принять парад в сопровождении генерала Брэдли. Сам он предпочел остаться в стороне.

По возвращении в Шартр Эйзенхауэр пригласил генерала Бернарда Монтгомери присоединиться к де Голлю и Брэдли на параде, но тот ехать в Париж отказался. Эта маленькая, но важная деталь не помешала некоторым британским газетам обвинить американцев в попытках присвоить

себе всю славу. А между тем отношения союзников серьезно страдали от навязчивого желания Флит-стрит¹ видеть почти в каждом решении Верховного командования неуважение к Монтомгери и тем самым к британцам в целом. Это отражало гораздо более широко распространенное возмущение тем, что Британия оказалась в стороне: командуют теперь парадом американцы, а потом объявят себя победителями. Представитель Эйзенхауэра в Британии, Главный маршал авиации сэр Артур Теддер, был встревожен подобными публикациями в английской прессе: «Из того, что я слышал в Главном командовании союзных сил, я не могу не опасаться, что происходящее чревато серьезным расколом среди союзников» [8].

На следующий вечер 28-я пехотная дивизия, которой командовал генерал-майор Норман Кота, под проливным дождем выдвинулась из Версаля в Париж [9]. Не прошло и двух недель, как Кота по прозвищу Голландец, проявивший необычайную храбрость и лидерские качества на «Омахе-Бич», принял командование, когда его предшественника убил немецкий снайпер. Затянувшиеся на весь июнь и июль бои среди нормандских шпалер были жестокими и кровавыми, но в начале августа 3-я армия, которую возглавлял генерал Джордж Паттон, совершила прорыв, вселив оптимизм в войска, наступавшие на Сену и сам Париж.

В Булонском лесу устроили душевые, чтобы бойцы генерал-майора Кота могли отскрести себя от грязи перед парадом. Утром следующего дня, 29 августа, дивизия двинулась по авеню Фош к Триумфальной арке, а оттуда — вдоль Елисейских Полей. Пехота в касках, с винтовками на плече, блистая штыками, маршировала в полном боевом строю, и полноводная река цвета хаки, шеренга за шерен-

¹ До середины 1980-х годов на Флит-стрит в центре Лондона находились редакции ведущих британских газет; ее название используется как символ британской прессы. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

гой, по двадцать четыре человека в ряд, текла по широкому проспекту. На плече у каждого солдата была эмблема дивизии — красный «замковый камень». Немцы за форму прозвали его «кровавым ведром».

Французы были поражены — и неформальным видом американской униформы, и показавшимся им бесконечным потоком американских машин. *Une armée de mécanos* [10], — записал в своем дневнике Жан-Галтье Буасьер. В то утро на Елисейских Полях толпы французов не могли поверить, что у обычной пехотной дивизии может быть столько машин: бесчисленные джипы, некоторые — с пулеметами «Браунинг М2», закрепленными позади; разведывательные машины; артиллерийские тягачи, тянувшие за собой 155-мм гаубицы «Длинный Том»; инженерные машины; грузовички и десятитонки снабженцев; танки «Шерман», противотанковые САУ... В свете этой демонстрации вермахт, покоритель Франции, казавшийся в 1940 году неуязвимым, выглядел чудовищно устаревшим со своей техникой на конной тяге.

Возвышение для парада установили на площади Согласия (Place de la Concorde); военные инженеры соорудили его из штурмовых катеров, перевернув их кверху дном и скрыв за длинным триколором¹, в то время как многочисленные звезды и полосы трепетали на ветру². Впереди, во главе парада, оркестр из пятидесяти шести инструментов играл марш дивизии «Хаки Билл». Французы, свидетели действия, возможно, даже и не догадывались о том, о чем знал каждый солдат: 28-я дивизия шла к позициям немецких войск, на северную окраину города. «Это был один из самых выдающихся когда-либо отданных приказов о наступлении, — позже заметил Брэдли в разговоре с адъютантом. — Думаю, там мало кто понимал, что бойцы прямо с парада шли в бой» [11].

¹ Подразумевается трехцветный (сине-бело-красный) флаг Франции.

² Имеются в виду флаги США.

На побережье Ла-Манша 1-я канадская армия пыталась захватить Гавр, важнейший порт, в то время как 2-я британская армия выдвинулась на северо-восток, в Па-де-Кале, к местам запуска немецкого «оружия возмездия»¹. В ужасную грозу в ночь с 30 на 31 августа Гвардейская бронетанковая дивизия, со своими до крайности изможденными танкистами, захватила — с помощью французского Сопротивления — Амьен и мосты через Сомму. Командир 5-й танковой армии генерал танковых войск Генрих Эбербах на следующее утро был застигнут врасплох. Тогда наступавшим англичанам удалось вклиниться между остатками 5-й танковой армии и 15-й армии, которые удерживали Па-де-Кале. Канадцы, во главе с Королевским полком, Королевской легкой пехотой Гамильтона и Эссекским шотландским полком, направились к Дьеппу, где два года тому назад они потерпели жесточайшее поражение из-за внезапной убийственной атаки.

Ликовать сильнее союзники если и хотели, то просто не могли. Июльский заговор генералов, устроивших покушение на Гитлера², не мог не вселять надежду на то, что среди немцев, так же как в 1918 году, произойдет раскол, — хотя на самом деле провал покушения лишь усилил сплоченность нацистов. Разведуправление G-2 штаба Верховного командования союзников радостно заявило: «Августовские бои достигли своих целей, и враг на западе получил свое» [12]. Лондонское правительство военного времени, уверенное, что все закончится к Рождеству, постановило считать 31 декабря датой окончания враждебных действий и с ее учетом строить все дальнейшие планы. Один только

¹ Оружие возмездия (*нем.* V-Waffen) — название ряда амбициозных авиационных и ракетно-артиллерийских проектов нацистской Германии по созданию оружия для бомбардировок английских городов.

² Заговор бомб (*англ.* bomb plot) — взрыв в ставке Гитлера в Восточной Пруссии 20 июля 1944 года, организованный группой высокопоставленных офицеров немецкой армии, которые хотели убить фюрера, чтобы положить конец войне.

Черчилль по-прежнему опасался решимости немцев продолжать сражаться.

В Вашингтоне считали так же, как в Лондоне, и сосредоточили основное внимание на Тихом океане, где все еще шли отчаянные схватки с японцами. А комитет США по военному производству начал отменять военные контракты, в том числе и подряды на изготовление артиллерийских снарядов.

Многие немцы тоже думали, что пришел конец. В Утрехте оберст-лейтенант Фриц Фуллриде писал в своем дневнике: «С Западным фронтом покончено. Враг уже в Бельгии и на немецкой границе. Румыния, Болгария, Словакия и Финляндия молят о мире. Все точно так, как в 1918-м» [13]. В Берлине на железнодорожном вокзале протестующие осмелились вывесить баннер: «Мы хотим мира любой ценой» [14]. На Восточном фронте Красная армия в ходе операции «Багратион» разгромила группу армий «Центр» и, продвинувшись на 500 километров, подошла к Варшаве и Висле. За три месяца вермахт потерял на Восточном фронте 589 425 солдат и 156 726 — на Западном [15].

Рывок к Висле вдохновил польскую Армию крайову на смелое, но обреченное Варшавское восстание¹. Сталин, руководствуясь геополитическими интересами, не предпринял усилий, чтобы помешать немцам жестоко расправиться с повстанцами.

Восточная Пруссия, со ставкой Гитлера в «Волчьем логове» у Растенбурга, тоже находилась под угрозой. На Балканах немецкие армии терпели катастрофу. Всего через два дня после освобождения Парижа из блока стран оси вышла Румыния — в это время советские войска перешли ее гра-

¹ Варшавское восстание против немецкой оккупации началось 1 августа 1944 года и продолжалось до 2 октября. Подавляя восстание, немцы убили более 150 тысяч жителей Варшавы, а сам город практически сровняли с землей. В это время части Красной армии дислоцировались в Праге — районе Варшавы на противоположном берегу Вислы.

ницу. 30 августа Красная армия вошла в Бухарест и захватила жизненно важные нефтяные поля в районе Плоешти. Путь к Венгерской равнине и Дунаю и дальше, в Австрию и саму Германию, был открыт.

В середине августа 3-я армия генерала Паттона двинулась из Нормандии на Сену. Это совпало с успешными высадками десанта в операции «Драгун» на Средиземноморском побережье между Каннами и Тулоном. Угроза оказаться отрезанными от снабжения вызвала массовое отступление немцев по всей стране. «Милиционеры» Виши, опасавшиеся попасть в руки бойцов Сопротивления, тоже двинулись через враждебную территорию — искать безопасности в Германии. Порой им приходилось одолеваять до тысячи километров.

Импровизированные разнокалиберные «маршевые подразделения», в которых смешались армия, люфтваффе, кригсмарине и гражданские, получили приказ отступить с побережья Атлантики на восток, избегая встреч с французским Сопротивлением. Вермахт начал укреплять выступ фронта в окрестностях Дижона, чтобы принять почти четверть миллиона немцев, а 51 000 солдат все еще оставалась в ловушке на Атлантическом и Средиземноморском побережьях. Основные порты фюрер распорядился считать «крепостями», хотя никакой надежды отстоять их не было. Он отрицал реальность, и в этом, по словам одного немецкого генерала, был похож на католического священника, который в Страстную пятницу кропит святой водой тарелку со свиной и говорит: «Ты — рыба» [16].

После заговора 20 июля паранойя Гитлера достигла новых высот. В «Волчьем логове» в Восточной Пруссии он превзошел самого себя в насмешках над своими генералами — прежде высший состав немецкой армии он называл лишь «клубом интеллектуалов» [17]. «Теперь я знаю, почему все мои великие планы в России провалились в последние годы! — сказал он. — Все это была измена! Если бы не эти

предатели, мы бы давно победили!» [18] Гитлер ненавидел июльских заговорщиков не только за вероломство, но и за ущерб, нанесенный ими представлению о единстве немецкой нации, и за влияние, какое оказал заговор на союзников Третьего рейха и нейтральные государства.

31 августа на общем собрании, посвященном обсуждению текущей ситуации, Гитлер заявил: «Настанет время, когда напряженность между союзниками возрастет настолько, что последует разрыв. В мировой истории коалиции всегда распались в какой-то момент» [19]. Вскоре на конференции министров в Берлине министр пропаганды Йозеф Геббельс подхватил мысль фюрера: «Несомненно, политические разногласия будут нарастать с кажущимся приближением победы союзников, и однажды пробьют такие дыры в стенах выстроенного нашими врагами дома, какие уже никто не сможет заделать» [20].

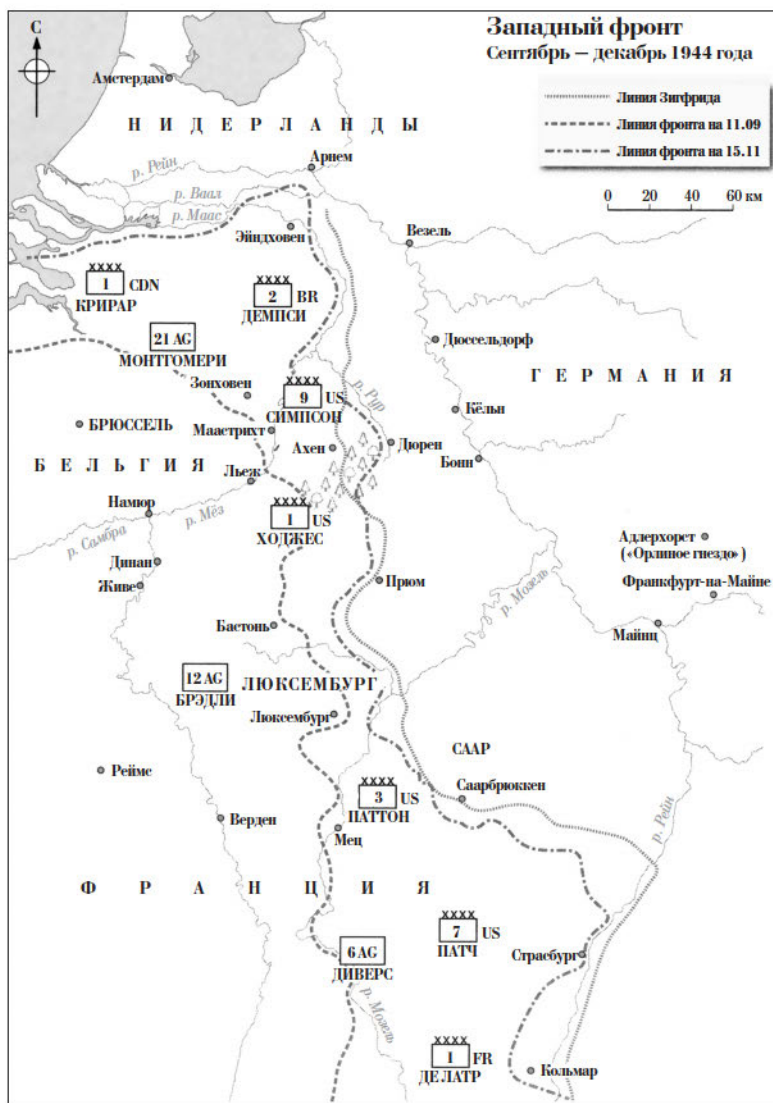
В тот последний августовский день начальник Генерального штаба люфтваффе генерал авиации Вернер Крайпе написал в своем дневнике: «Вечером пришли донесения о коллапсе на западе» [21]. Почти всю ночь продолжалась бешеная активность: «Приказы, указания, телефонные разговоры...» Наутро генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник штаба ОКВ Верховного главнокомандования вермахта, обратился к руководству люфтваффе с просьбой перевести еще 50 000 солдат в сухопутные войска. 2 сентября Крайпе отметил: «На Западе явно началось разложение. Йодль [начальник штаба оперативного руководства ОКВ] на удивление спокоен. Финны отделяются». На общем собрании в тот день Гитлер разразился бранью в адрес финского командующего маршала Маннергейма. Его также разозлило, что рейхсмаршал Герман Геринг не только не озаботился появиться в столь критический момент, но даже предложил распустить эскадрильи люфтваффе и перевести летные экипажи в зенитно-артиллерийские части.

Теперь, когда Красная армия стояла на границе Восточной Пруссии, Гитлер боялся, что его захватит советский

парашютный десант. «Волчье логово» превратилось в крепость. «К тому времени построили громадный комплекс, — писала секретарь фюрера Юнге Траудль. — Везде кордоны, предупреждающие знаки, мины, путы колючей проволоки, сторожевые вышки...» [22]

Гитлер хотел, чтобы его защитниками командовал доверенный офицер. Оберст Отто Ремер привел в Берлин охранный батальон «Великая Германия», стремясь сокрушить июльский заговор генералов, и теперь Гитлер, узнав о его просьбе разрешить вернуться к полевому командованию, приказал этому офицеру сформировать бригаду для охраны «Волчьего логова». Изначально включавшая берлинский караульный батальон и зенитный полк «Герман Геринг» с восемью артиллерийскими батареями, бригада Ремера росла и росла. Бригада сопровождения фюрера — *Führer Begleit*, — в задачу которой входила защита «Волчьего логова» от «высадки с воздуха двух-трех воздушно-десантных дивизий», была сформирована в начале сентября [23]. Этому формированию, которое даже сам Ремер называл «небывалым сборищем» из-за объединения в нем столь разных боевых подразделений, предоставили абсолютный приоритет в оружии, снабжении и «опытных бойцах с передовой», в основном из дивизии «Великая Германия».

Атмосфера в «Волчьем логове» в высшей степени подавляла. Несколько дней Гитлер не вставал и безвольно лежал в кровати, пока его секретари «печатали целые кипы листов с докладами о потерях» [24] на обоих фронтах. Геринг тем временем хандрил в Восточной Пруссии — в Роминтене, охотничьем поместье Гогенцоллернов, которое он присвоил. После провала люфтваффе в Нормандии он знал: его обошли соперники из приближенных фюрера, особенно манипулятор Мартин Борман, с которым им предстояло в конечном итоге стать заклятыми врагами. Другой его противник, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, получил командование над армией резерва, той самой, в штабе которой вызревал заговор генералов. А Геббельс, казалось, обрел

абсолютную власть над тылом: его назначили уполномоченным Германского рейха по тотальной военной мобилизации. Но Борман и его гауляйтеры, как и прежде, могли расстроить любую попытку посягнуть на их вотчину. Пусть немцев и повергло в шок покушение на Гитлера, но вскоре, когда советские войска подошли к границам Восточной Пруссии, боевой дух резко упал. Больше всех хотели окончания войны женщины, и, как сообщала служба безопасности СС, многие утратили веру в фюрера. А самые проникательные чувствовали: война не кончится, пока он жив [25].

Несмотря на успехи того лета, а может, именно по их причине, в высших эшелонах командования союзников бушевали распри. Эйзенхауэр, «скорей военный политик, а не военачальник» [26], как выразился один обозреватель, искал решение, способное устроить всех, но казалось, он был решительно настроен потворствовать Монтгомери и британцам, чем вызывал негодование Омара Брэдли и гневное презрение Джорджа Паттона. Спор, которому предстояло поддерживать пламя раздора весь 1944 год и продолжить его в следующем, начался 19 августа.

Монтгомери потребовал, чтобы почти все союзные силы наступали под его командованием через Бельгию и Голландию в промышленную область Рура. После того как его предложение отклонили, он хотел, чтобы по этому пути пошла его собственная 21-я группа армий при поддержке 1-й армии генерал-лейтенанта Кортни Ходжеса. Так союзники могли бы захватить места запуска «оружия возмездия», откуда бомбили Лондон, и взять под контроль Антверпен, глубоководный порт, жизненно важный для любого дальнейшего продвижения. Брэдли и двое командиров его армий, Паттон и Ходжес, согласились, что овладеть Антверпеном необходимо, но сначала они хотели двинуться на восток, к реке Саар, кратчайшему пути в Германию. Американские генералы считали, что после успеха операции «Кобра» и прорыва до Сены во главе с 3-й армией

Паттона приоритет следует отдать им. А Эйзенхауэр отдавал себе отчет в том, что удар только в одном направлении, будь то наступление британской армии на севере или американской в середине фронта, чреват не только военными опасностями, но и даже в большей степени политическими. Он также понимал, что и в США, и в Великобритании политики и пресса взорвутся от ярости, если какая-нибудь из союзных армий задержится из-за проблем со снабжением, а другая в это время продолжит наступать.

1 сентября огласили долгосрочный план. Командование над американской 12-й группой армий принимал Брэдли, формально он подчинялся Монтгомери, но британская пресса снова сочла себя обиженной. Реорганизацию на Флит-стрит восприняли как понижение Монтгомери в звании, ибо теперь, когда во Франции базировался Эйзенхауэр, тот больше не был командующим сухопутными войсками. В Лондоне такую реакцию предвидели и, чтобы разрядить обстановку, Монтгомери был повышен в звании фельдмаршала (теперь он теоретически званием превосходил Эйзенхауэра, который имел лишь четыре звезды). Тем утром Паттон слушал радио, и его, как он потом признался, чуть не стошнило, когда «Айк сказал, будто Монти, величайший из ныне живущих солдат, теперь фельдмаршал» [27], и даже словом не обмолвился о том, чего достигли другие. На следующий день, после встречи в штабе Брэдли, Паттон, командовавший продвижением через Францию, заметил: «Айк хоть бы спасибо кому сказал, хоть бы поздравил за все, что мы сделали». Прошло два дня, и его 3-я армия дошла до реки Маас.

Как бы там ни было, а стремительное продвижение в Бельгию двух армий, 1-й американской и 2-й британской, оказалось одним из самых быстрых за всю войну. И они могли пройти еще быстрее, если бы в каждой деревне и в каждом городке их не задерживали ликующие бельгийцы. Генерал-лейтенант Брайан Хоррокс, командир 30-го армейского корпуса, заметил, что «с шампанским, цветами, тол-

пами, с девушками, сидевшими в грузовиках радиосвязи, было трудно продолжать войну» [28]. Американцы тоже обнаружили, что в Бельгии их приветствовали гораздо теплее и восторженнее, чем во Франции. 3 сентября гвардейская бронетанковая дивизия вошла в Брюссель, ее встретили с невиданным доселе ликованием.

А уже на следующий день замечательной *coup de main* (внезапной атакой) 11-я бронетанковая дивизия, которой командовал генерал-майор Филипп Робертс, более известный как «Пип», вошла в Антверпен. При поддержке бойцов из бельгийского Сопротивления союзники захватили порт еще до того, как немцы успели уничтожить все сооружения. 159-я пехотная бригада атаковала германский штаб, расположенный в парке, и к 20.00 комендант немецкого гарнизона сдался. Его солдат, 6000 человек, вывели строем и заперли в зоопарке, в клетках — те пустовали, зверей давно съели оголодавшие люди.

«Пленные сидели на соломе, — писала Марта Геллхорн, — их остекленевшие глаза смотрели сквозь прутья» [29]. Падение Антверпена поразило штаб фюрера словно удар грома. «Вы едва Сомму перейти успели, — признавал через год генерал артиллерии Вальтер Варлимонт, когда его допрашивали следователи союзников. — И вдруг ваши две или три танковые дивизии у Антверпена. Мы не ожидали столь быстрого прорыва и ничего не успели. А когда дошли вести, было неожиданно и горько» [30].

Быстро продвигалась и 1-я американская армия, преследовавшая отступающих немцев. Разведывательный батальон 2-й бронетанковой дивизии, значительно опередив другие подразделения, выяснил маршрут отступления врага и, как только стемнело, устроил в одном из поселков засаду с легкими танками. «Мы подпускали конвой поближе, в радиус самого эффективного поражения, и только потом открывали огонь. Один из легких танков приспособили под буксир: отвозили на нем подбитую технику и прятали ее среди домов, чтобы машины, идущие следом, ничего не заподозрили.

И так всю ночь» [31]. Один американский командир танка подсчитал, что с 18 августа по 5 сентября его машина прошла около 350 километров «почти без техобслуживания» [32].

На франко-бельгийской границе Брэдли сопутствовал еще более значительный успех, нежели британцам: они взяли в клещи Монс. Моторизованные подразделения трех танковых дивизий вермахта успели выскользнуть аккуратно перед тем, как американская 1-я пехотная дивизия замкнула кольцо окружения, и немецкие десантники из 3-й и 6-й парашютных дивизий вновь заскрежетали зубами от злости: эсэсовцы в очередной раз спасли свои шкуры, бросив всех остальных. Американцы захватили в плен свыше 25 000 солдат — остатки шести «нормандских» дивизий. Пока те не сдались, они были как на ладони. Артиллеристы 9-й пехотной дивизии сообщали в отчетах: «Мы выставили наши 155-мм гаубицы и били прямой наводкой по колоннам вражеских солдат, чем нанесли тяжелый ущерб и внесли свой вклад в захват 6100 пленных, в числе которых были три генерала» [33].

Атаки бельгийского Сопrotивления в Монском «котле» стали толчком для первой волны репрессий: было убито шестьдесят мирных жителей, сожжено множество домов. Зачистку проводили не только американцы: вместе с ними плечом к плечу действовали участники национального движения Сопrotивления: отряды Секретной армии, Фронта независимости Бельгии и Белой армии¹. Пока немецкие войска, спасаясь, отступали через Бельгию за Западный вал — линию Зигфрида, — как его называли союзники, немецкое военное командование злобствовало, опасаясь массового

¹ Наименование «Белая армия» (L'Armée Blanche) не имеет никакого отношения к Белой гвардии времен Гражданской войны в России. Оно связано с названием секретной бельгийской разведывательной сети, созданной в годы Первой мировой войны, в период немецкой оккупации. Эта сеть носила имя «Белая леди» (La Dame Blanche) из-за легенды, гласившей, что Гогенцоллерны, династия кайзеров, погибнут, когда явится призрак белой леди. — *Прим. автора.*

восстания. Юные бельгийцы вливались в ряды бойцов, желая присоединиться к атакам; это повлекло за собой ужасные последствия — как в те дни, так и позднее, в декабре, когда жаждавшие возмездия немцы нанесли свой удар в Арденнах.

1 сентября в Жемель возле Рошфора в Северных Арденнах Морис Дельвенн ликовал, глядя, как немцы уходят из Бельгии. «Отступление немецкой армии все быстрее и кажется все более дезорганизованным, — писал он в дневнике. — Инженеры, пехота, флот, люфтваффе, артиллерия — все набиваются в одни и те же грузовики. Все эти люди явно только что из зоны боевых действий. Они грязные и изможденные. Больше всего их волнует лишь то, сколько километров все еще отделяет их от родины, и мы, конечно, увеличиваем это расстояние» [34].

Два дня спустя мимо городка прошли эсэсовцы, некоторые с перебинтованными головами. «Выглядят они сурово, на людей смотрят с ненавистью» [35]. За собой они оставляли только разруху, сжигали дома, обрывали телеграфные провода и угоняли овец и скот. Фермерам в немецкоязычных восточных кантонах Арденн было приказано перебираться с семьями и скотом за линию Зигфрида и дальше в рейх. Новостей о бомбардировках союзников было достаточно, чтобы испугать их, тем не менее почти никто из них не хотел покидать свои фермы, так что они вместе со скотом прятались в лесу, пока немцы не ушли.

5 сентября подвиги юных бойцов Сопротивления озлобили отступающих немцев настолько, что те сожгли тридцать пять домов в окрестностях деревушки Банд, у дороги № 4, ведущей от Марш-ан-Фамен к Бастони. Немцы вернулись сюда в канун Рождества, в дни Арденнской операции, и тогда все было гораздо хуже. Мирных жителей приводили в ужас карательные меры, следовавшие после каждой атаки отрядов Сопротивления. 6 сентября в Бюисонвиле немецкие солдаты отомстили за нападение, которое случилось за два дня до того, и сожгли двадцать два дома, не пощадив и соседнюю деревню.

На всем пути отхода немцев и деревенские, и горожане приветствовали освободителей, размахивая бельгийскими, британскими и американскими флагами. Иногда приходилось быстро их прятать, если на главной улице появлялось очередное отступающее подразделение вермахта. В Утрехте оберст-лейтенант Фриц Фуллриде описал «взвод угрюмых местных национал-социалистов, которых эвакуировали в Германию, прочь от гнева голландцев. Много женщин и детей» [36]. Эти голландские войска СС сражались в Хехтеле, у бельгийской границы, и вышли из окружения, переплыв канал, но «почти всех раненых офицеров и бойцов, желавших сдаться, расстреляли бельгийцы — к дурной славе британских солдат [которые, очевидно, стояли рядом]». После четырех лет оккупации и голландцам, и бельгийцам было за что мстить.

Немецкий фронт в Бельгии и Голландии, казалось, был полностью дезорганизован. В тылу царил паника, вызвавшая такой хаос, что 89-й армейский корпус был вынужден написать в дневнике военных действий «о картине, недостойной немецкой армии и позорящей ее» [37]. Патрули фельдгегерей, в прямом смысле карательные группы, хватали случайно оставших солдат, вели их в Sammellager — сборный пункт — и снова отправляли в строй под присмотром офицера, обычно группами по шестьдесят человек. Неподалеку от Льежа офицеры под дулом пистолета послали на фронт примерно тысячу солдат. Тех, кого подозревали в дезертирстве, судил военный трибунал. Всех, кого признавали виновными, приговаривали к смерти или к штрафбату (так называемый «дисциплинарный батальон», но скорее карательный). Дезертиров, сдавших или надевших гражданскую одежду, казнили на месте.

Каждый фельдгегерь носил красную повязку с надписью ОКВ Feldjäger [38] и получал особое удостоверение с зеленой диагональной полосой, где говорилось: «При непослушании он имеет право применить оружие». Фельдгегерей

интенсивно обрабатывали. Раз в неделю офицер читал им лекцию «о положении дел в мире, о невозможности уничтожения Германии, о непогрешимости фюрера и о подземных фабриках, которые помогут перехитрить врага».

«Призыв к солдатам армии Запада», в котором генерал-фельдмаршал Вальтер Модель призвал бойцов держаться, чтобы выиграть время для фюрера, не был услышан. Поэтому пошли на самые крайние меры. 2 сентября генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель издал приказ «всех симулянтов и трусливых уклонистов, включая офицеров, расстреливать незамедлительно» [39]. Модель предупреждал, что ему нужно как минимум десять пехотных и пять танковых дивизий, чтобы предотвратить прорыв в Северную Германию. Найти такие силы было негде.

Отступление на севере, вдоль побережья Ла-Манша, проходило гораздо более организованно, и главным образом потому, что канадцы задержались с преследованием. Генерал пехоты Густав фон Занген вывел 15-ю армию из Па-де-Кале в Северную Бельгию самым впечатляющим образом. Разведка союзных войск допустила серьезную ошибку, заявив, что «единственные прибывающие в Голландию подкрепления — это деморализованные и беспорядочные остатки 15-й армии, ныне бегущие из Бельгии через нидерландские острова» [40].

Внезапный захват Антверпена мог стать серьезным ударом для высшего немецкого командования, но в течение нескольких следующих дней, когда 2-й британской армии не удалось закрепиться на северной стороне устья Шельды, генерал фон Занген сумел возвести оборонительные рубежи. В их число входил Брескенский «котел» — редут шириной 20 километров на южной стороне устья Шельды, на полуострове Зейд-Бевеланд и на острове Валхерен. Вскоре войска фон Зангена насчитывали 82 000 бойцов и развернули примерно 530 орудий и таким образом предотвратили любую возможную попытку Королевского флота приблизиться к устью, усеянному минами.